

РОКИА

СИНДРОМ
ТЬМЫ

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44
Р66

Rokia
SINDROME

Copyright © 2023 Adriano Salani Editore s.u.r.l.
Gruppo editoriale Mauri Spagnol
Published by arrangement with ELKOST International literary agency

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Hulinska Yevheniia / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Перевод с итальянского *Е. Дмитриевой*
Художественное оформление *А. Кроник*

Рокиа.
Р66 Синдром тьмы / Рокиа ; [перевод с итальянского Е. Дмитриевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-215166-8

Сиа, Дерек, Оливия, Идгар. Каждый из них столкнулся с чем-то ужасным, таким же, как тьма, царящая у них внутри. Однажды они встретятся, чтобы пройти курс экспериментальной терапии.

Эти четверо настолько разные, словно неправильно смешанные химические элементы. Взрывная реакция неизбежна.

Сиа красива и опасна. Она — катастрофа, уничтожающая все, с чем прикасается. Ее непримиримый враг Дерек. Он — пламя, способное сжечь все, что попадает ему на пути. Их ненависть безмерна, однако их тянет друг к другу с непреодолимой силой.

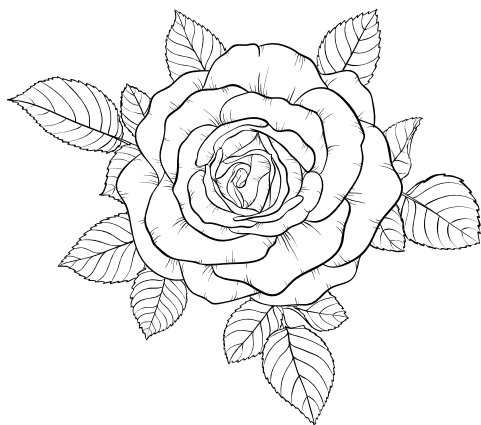
Оливия — пленница призраков, созданных ее сознанием. Гнев Идгара — единственное, что не дает ей раствориться в небытии. А он потерял себя в день, когда погибла его сестра. Его жизнь — череда панических атак и вспышек ярости, и только голос Оливии может его успокоить.

Смогут ли эти четыре израненных души спастись прежде, чем их тьма поглотит все вокруг?

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-215166-8

© Дмитриева Е., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*— В жизни есть и отрицательные эмоции.
Какими людьми мы бы были, если бы не умели
испытывать боль?*

— Пустыми, — ответила я.

— Ты хочешь быть пустой, Рокиа?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Достигал ли ты когда-нибудь предела своей выносливости?

Когда твои легкие наполняются болью до такой степени, что становится трудно дышать и даже воздух кажется врагом.

Когда страх парализует и все вокруг окрашивается в мрачные тона.

Когда мысли становятся пыткой, которой ты не можешь избежать, и ты понимаешь, что нет заклинания, чтобы снять это проклятие.

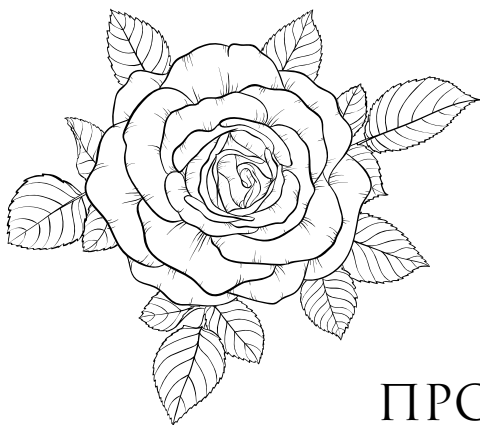
Когда призраки твоей неуверенности безжалостно заполняют каждый уголок твоего сознания.

Когда ты просто хочешь закрыть глаза и исчезнуть. Как будто тебя никогда и не было.

Когда небытие намного уютнее паутины, в которой запуталось твое сознание.

Потому что жизнь, как тебе кажется, требует слишком больших усилий для смертной души.

Это СИНДРОМ.

ПРОЛОГ

Оливия

Оливия разглядывает полную тарелку перед собой. Она отчаянно пытается придумать, как обмануть бдительного санитара, который прохаживается вдоль столов. Жареное мясо, вареная картошка и салат. Всего этого слишком много — слишком много, чтобы закончить, и слишком много, чтобы начать. Как можно требовать от нее столько?

Она научилась не есть, теперь в этом нет необходимости, ее не нужно кормить. Она не такая хрупкая, как они думают, она не зависит от еды, как все остальные. Если честно, она даже не понимает, почему ее желание, постепенно захватившее ее разум, вторгшееся в ее тело и уничтожившее ее вес, снова сделало ее такой слабой.

Что плохого в том, чтобы быть другой?

— Когда он отвернется, выброси все в цветочный горшок, — шепчет Джек, сидящий напротив нее.

Оливия смотрит на горшок рядом со столом. Краем глаза она замечает, что санитар повернулся к ней спиной и идет в сторону двери столовой. Оливия пользуется моментом и делает так, как подсказал Джек. Он улыбается, гордясь ею. Джек всегда ей помогает, всегда поддерживает. Он понимает и защищает ее: предупреждает, когда ей добавляют лекарства во фруктовый сок, когда меняют терапию или пытаются обмануть. Он не дает ей расслабиться, всегда предчувствует любую опасность. Санитар смотрит на пустую тарелку Оливии с подозрением, но ничего не говорит. Видимо, понял, что девушка с медовыми глазами в очередной раз его перехитрила. Обычно санитар кричит на нее прямо на глазах у всех и заставляет

глотать куски мяса, не обращая внимания на то, что Оливия бьется в рвотных позывах. Но на этот раз санитар не трогает ее. Оливия тут же понимает почему. Сегодня самый отвратительный день недели: день, когда всплывают каждая ложка, каждая выплюнутая таблетка, каждая порция еды, выброшенная в цветочный горшок... каждая ее попытка уклониться от этих жестких правил.

Наступает роковой момент. Оливия стоит в маленькой комнате, пустой и белой, под строгим взглядом доктора.

— Встаньте на весы, Оливия Лид.

Оливия с ненавистью смотрит на маленький предмет на полу, всегда приносящий ей миллион проблем. В прошлый раз они с Джеком ухитрились сломать весы, и это доставило им массу неприятностей.

Она ставит одну ногу на весы, но доктор останавливает ее и просит снять толстовку. Джек запускает руку в волосы, поняв, что очередная попытка скрыть потерю веса Оливии не удалась. Он посоветовал ей положить в карман что-нибудь тяжелое, но это не сработало.

Оливия нехотя встает на весы. Ее сердце колотится, пока стрелка медленно движется к цифре, которая ей кажется невероятно большой. Но доктор и санитары встревожены. В их взглядах, устремленных на тело девушки, — страх и досада. Оливия ненавидит, когда на нее так смотрят.

Почему они смотрят на нее, будто она сделала что-то, чего нужно стыдиться? Почему они причиняют ей такую боль? Почему они презирают ее? Почему они не могут оставить ее в покое?

— Нет! Нет! Остановитесь, отпустите меня! — кричит Оливия, пока жестокие санитары тащат ее к кушетке.

Один из них готовит необходимое, другие связывают Оливию. Она в ужасе, слезы текут по щекам.

— Не надо опять, прошу вас, отпустите меня!

Санитар Миллинсон пытается успокоить ее:

— Это для твоего же блага, Оливия.

Санитар знает ее уже несколько месяцев. Оливии столько же лет, сколько его дочери, и ему больно видеть, как Оливия тает прямо на глазах. Все думают, что Оливию поглощает что-то ужасное, что оно захватывает ее разум. Но у нее есть что-то, о чем никто не догадывается.

— Беги, Оливия!

— Я не могу убежать! Я не могу убежать, Джек! — Санитары не обращают внимания на крик Оливии, они крепко держат ее, не давая шевельнуться.

Они привыкли к ее крикам, так же как Оливия привыкла к их жестокости. Она выплевывает злобные ругательства, пытаясь ногами отпихнуть санитаров от своего тела. Но все ее усилия напрасны. Подходит санитар со шприцем: Оливия бледнеет, но продолжает биться как зверь в клетке. Введенное лекарство медленно усмиряет ее: она чувствует, что все внешние раздражители потихоньку исчезают.

Санитар Миллинсон с виноватым выражением на лице вставляет длинную пластиковую трубку в ноздрю Оливии. Оливия прекрасно знает, что это: они не впервые пытаются накормить ее принудительным путем. Не в первый раз ей вкальвают успокоительное, не в первый раз кормят через зонд против ее воли, не в первый раз она весит настолько мало, что чувствует, как ее собственные кости упираются в кожу, будто острые лезвия. Не в первый раз она рискует исчезнуть.

Слеза катится по щеке, пока длинная пластиковая трубка продвигается глубже, царапая горло. Лицо Джека дергается, он смотрит неодобрительно.

Она опять его подвела. Она всегда подводит его, когда им удастся спасти ее, когда они возвращают ее к жизни. Это сложная система, которую мало кто понимает. Это секрет между ней и Джеком, между ней и призраком мертвого парня.

Оливия не плакала на похоронах Джека, поэтому люди подумали, что она, должно быть, сумасшедшая, бесчувственная психопатка, которая не расстраивается из-за смерти своего парня. Но, с другой стороны, как ей было всем объяснить, что она все еще видит Джека, слышит его голос и чувствует его прикосновения. Она отказалась от любых попыток сделать это и продолжала жить с грузом своей потерянной, покореженной любви на плечах. Любви, которая преследует ее и соблазняет сладкими отравленными словами, любви, которая пытается затянуть ее в самое глубокое и темное место ее сознания.

Оливия — последний осколок разбитой жизни, все остальные уже унесло.

Идгар

В комнате Идгара не бывало такого беспорядка. Он все перевернул вверх дном. Книги лежат на полу, одежда раскидана по кровати, все шкафы и ящики опустошены.

— Что ты творишь? Тут будто был ураган!

Мать, ругаясь, пытается пробраться в центр комнаты, перешагивая через вещи. Ей достаточно одного взгляда, чтобы понять, что ищет ее сын... Он сходит с ума, когда не может найти его. Он всегда держит его при себе, ни на мгновение не выпускает из рук.

— Ты его переложила? — раздается в ответ резкий и строгий голос Идгара.

— Я ничего не трогала.

— Ты лжешь. Я никогда его не перекладываю, куда ты его спрятала?

Он прожигает ее взглядом, тяжело дыша.

Она не может смириться с тем, что ее сына поглощает смесь гнева, тоски и страха. Как ее лучик солнца превратился в такого параноика? Как так вышло, что в его взгляде теперь только подозрительность?

На теле Идгара отпечатались следы кошмаров, которые преследуют его даже днем. Это видно по его покрасневшим глазам. Он потерял сон и аппетит, не выходит из дома, избегает всех, кто пытается ему помочь, стал раздражительным и все глубже погружается в собственный ад.

Мать сдается и показывает, куда она его спрятала.

— Я сделала это ради тебя... мне тяжело видеть тебя таким.

— Если ты еще тронешь пистолет, если спрячешь его куда-нибудь... — Идгар делает паузу и засовывает пистолет за пояс брюк. — ... я уйду и больше не вернусь. Я еще не ушел, только потому что ты умоляла меня остаться, но не заставляй меня пожалеть об этом.

Просто невероятно, как изменился ее сын после того дня. Она тоже потеряла сон и покой, ее жизнь тоже перевернулась. Но Идгар с головой погрузился в трагедию, будто его жизнь остановилась и никогда больше не сможет продолжиться.

— Я стараюсь не лезть в твою жизнь, Идгар... Но ты понимаешь, что мне тяжело видеть, как ты убиваешь себя прямо на моих

глазах? Ты стал раздражительным параноиком, никогда не расстаешься с этим страшным пистолетом, кричишь во сне каждую ночь, ничего не ешь и не выходишь из дома.

Идгар пропускает мимо ушей очередную отповедь матери. Он выпроваживает ее из комнаты и запирает дверь на ключ. Возможно, вам интересно, что сделало его маньяком, который не может расстаться с пистолетом, прячется от мира и все глубже погружается в свою боль.

На глазах когда-то веселого и полного жизни юноши трагически умерла его сестра. Пуля пронзила ее легкие, и девочка истекла кровью за несколько минут. Кто мог представить, что простая поездка в торговый центр превратится в ад, состоящий из чувства вины и душераздирающих криков?

Идгар ненавидит общественные места, где люди могут спокойно отвернуться от тебя, даже если ты оказался на пороге смерти. Его глаза до сих пор помнят в мельчайших подробностях лица людей, которые убегали, не обращая внимания на его отчаянные мольбы. Никто не остановился помочь шестнадцатилетнему мальчику, державшему на руках сестру с пулей в груди. Они все были слишком заняты спасением собственной шкуры. Посреди абсолютного эгоизма напуганной толпы тело девочки становилось все холоднее. Слез ее брата не хватило, чтобы остановить поток крови, вытекавший вместе с ее маленькой невинной душой.

Пуля, убившая его сестру в тот день, пробила и душу Идгара. Разница лишь в том, что Идгар не истекает кровью, Идгар продолжает двигаться и дышать. Идгар чувствует тяжесть пули, застрявшей в груди, и никому не позволяет ее достать. Не разрешает помочь ему.

Дерек

Он идет к своему стулу под пристальными взглядами всех присутствующих. От ярких вспышек фотоаппаратов он на мгновение закрывает глаза. Он до сих пор не понимает, почему журналистов пустили на судебное заседание и почему разрешили им копаться в его жизни ради прибыли от статей и телепередач.

Адвокат Дерек дрожит от волнения. Он прекрасно знает, что нет ни малейшего шанса выиграть это дело. Факт нападения до-

казан, свидетели рассказали одну и ту же версию случившегося, полиция собрала все необходимые улики. И что хуже всего, семья потерпевшей стороны не из тех людей, кто может спустить все на тормозах: это Муры.

Никто не смеет бросать вызов Мурам, и все же Дерек жестоко избил Себастиана, старшего сына главы семьи. Травмы настолько серьезные, что тот даже не может участвовать в заседании. Он все еще находится в больнице в тяжелом состоянии. Дерек впал в неистовство: никто не смог остановить его, когда он бросился на Себастиана со всей яростью.

Но все это сняли на мобильные телефоны. Только четверым полицейским удалось оттащить его от тела избитого человека, который уже не двигался под ударами Дерека.

Мать Дерека судорожно сжимает в руках четки. Она молилась ночи напролет, чтобы чудо вытащило ее сына из этой ужасной истории, в которую он попал. Соседка Мария берет ее за руку, помогает ей сесть и просит ее успокоиться и дышать глубже. Как можно успокоиться в такой ситуации?

— Судебное заседание объявляется открытым.

Строгий голос судьи привлекает внимание присутствующих. Двенадцать присяжных поворачиваются к нему с серьезными и непроницаемыми лицами. Им потребовалось всего полчаса, чтобы прийти к соглашению и вынести вердикт. Все понимают, что это не лучший для Дерека знак. Подсудимый выглядит абсолютно отрешенным. Он смотрит в пол, пока судья задает последний вопрос, следуя протоколу.

— Обвиняемый хочет что-то сказать перед вынесением приговора?

Адвокат Дерека встает и отвечает за него:

— Ваша честь, обвиняемый признает свою вину, но заявляет, что действовал в состоянии аффекта и очень сожалеет о случившемся.

Дерек сидит со скучающим выражением на лице: он выглядит как человек, который считает себя участником спектакля, роли в котором заранее известны, будто ничто не может изменить мнение публики, винящей его. Ведь известно: приятно ненавидеть какого-нибудь монстра, тогда сам себе кажешься очень хорошим человеком.

— Это так? — судья обращается к Дереку. — Дерек Хилл, вы сожалеете о своих действиях? Вы признаете свои ошибки и просите суд о помиловании?

Дерек встает, что вызывает шум в толпе. Его глаза, голубые, как лед, холодно смотрят на лицо судьи. Шум стихает, все хотят услышать, что скажет обвиняемый. Затишье перед бурей.

— Я понял, что они отвалили кучу денег. Я понял, что чертовы журналисты получают удовольствие от страданий других и сидят здесь ради ярких заголовков, которые принесут им прибыль. Что касается остального... Нет, я не жалею, что так поступил с ним. Он заслужил худшей участи.

В зале поднимается гвалт. Толпа начинает выкрикивать оскорбления, журналисты фотографируют и пытаются подобраться к матери Дерекса, чтобы заснять ее реакцию. Женщина дрожит еще сильнее, глядя на сына, который сделал все, чтобы разрушить свою жизнь.

— К порядку! Тишина, или я удалю всех из зала суда! — Судья стучит молотком как сумасшедший. И, когда наступает тишина, судья заявляет с нескрываемым презрением: — Очень хорошо. При вынесении приговора мы также учтем неуважение к суду.

Дерек остается невозмутимым. Судья обращается к старшинам присяжных.

— Вы вынесли вердикт?

— Да, Ваша честь. — Старшина присяжных заседателей — пожилой мужчина в очках — игнорирует Дерекса и поворачивается к судье. В зале суда воцаряется полная тишина. Выражение лица Дерекса меняется, только когда он замечает слезы, текущие по лицу матери.

— Вы признаете обвиняемого виновным или невиновным?

— Виновным, Ваша честь.

Судья одобрительно кивает, никто в зале не ожидал другого приговора. Пока зачитывают обвинение, Дерек продолжает смотреть на убитую горем мать. Когда судья заканчивает речь, охранники подходят к Дерексу, чтобы вывести его. Журналисты и фотографы обступают его в надежде сделать еще один снимок или получить еще одно скандальное заявление.

— Береги маму, ты должен защитить мою семью, понял?

Адвокат успокаивающе кивает Дерексу в ответ, потом собирает свои бумаги и подходит к матери своего подзащитного.

Наручники так сильно сдавливают его запястья, что ему кажется, будто кожа горит. Но он скрывает свою боль и улыбается матери, чтобы она не догадалась, как ему на самом деле страшно. Охранники толкают его к выходу, не давая ему даже попрощаться с ней.

Один-единственный взгляд скрепляет глубокую любовь между ними, для которой нет преград, которая связывает их, несмотря на любые расстояния.

Себастиан Мур хотел, чтобы мир увидел темную сторону Дерека Хилла, потому что тот добился слишком больших успехов в компании, которой владела семья Мура; Дерек украл у него место, которое принадлежало Себастиану по праву рождения. Сила Себастиана была в его фамилии, а сила Дерека — в способностях. Все это знали, и Себастиан не смог этого вынести. И решил показать всем истинную сущность гениального парня с ледяными глазами.

Смех Дерека приводит в ужас охранников, сопровождающих его к бронированному фургону, который отвезет осужденного обратно в тюрьму. На выходе из здания суда ожидает толпа людей, которые выступают против семьи Дерека, против жестокого безумца, напавшего из зависти на неприкосновенное сокровище города.

— Что тут смешного? Разве ты не видишь, что люди до смерти тебя ненавидят? — спрашивает его охранник.

Все подлизываются к семье Мур. Они белые акулы, которые контролируют океан города. Каждый разумный горожанин знает, на чьей стороне нужно быть. Те, кто этого не делает, будут изгнаны из аквариума с глупыми, отравленными рыбами.

— Смеюсь, потому что это забавно.

Двое охранников на переднем сиденье качают головами. Мужчины, кажется, напуганы безумием Дерека и той отстраненностью, с которой он принимает ситуацию. Голубизна его глаз выражает только ледяное безразличие. Дерек забавляет то, что целое стадо следует за вожаком.

— Ничего забавного. Тебя осудили, ты проживешь много лет в тюрьме. Ты мог бы стать одним из самых молодых и известных руководителей в городе, но теперь твоя жизнь разрушена.

Дерек не отвечает, и охранники продолжают обсуждать случившееся между собой. Теперь он думает только о своей семье. Он держится за обещание, данное ему адвокатом.